

Руки Анженга вцепились в голову Биггера, его колени уперлись в спину Биггера, а затем он яростно отпрянул назад: "Мсть!"

Несправедливость неба, эти неполные скелеты, казалось, слышали рог заряда. Они словно вернулись в пустыню, где сражались, и, наконец, начали новую атаку на своих врагов. Когда-то они бросали свои жизни на поле боя, их прославляли. На этот раз они принесли достоинство на поле боя, они великие!

Одна за другой кости вгрызались в тело Биггера, как снаряды, и плоть Биггера разлеталась на куски. Аньчжэн тоже получил огромный удар, но в это время в его глазах было только благоговейное убийственное намерение.

бум! бум! бум!

Тело Биггера было разорвано на части, тело Ань Чжэна упало на землю, а его одежда была порвана. Его залитое кровью тело выглядело крайне невыносимо. Но кровь - это враг. Он, как последний воин на древнем поле боя, с телом из крови, чтобы броситься на врага.

Цю Си стояла в отдалении, одна рука была поднята вверх, в ладони плавала печь Хуанцю Дань, в это время она превратилась в кулак. Другая рука была направлена на Ань Чжэна, и светло-зеленые воздушные потоки один за другим вылетали из печи Хуанцю Дань и вливались в тело Ань Чжэна. Ань Чжэн в это время восстанавливался с ужасающей скоростью, и его собственная стойкость была удивительной. Лекарственная медицина оказала ему огромную поддержку.

Прошло совсем немного времени, и травма Ань Чжэна стала едва заметна. Он развернулся и устремился вдаль.

"Убей своих людей, разрушь свой дом!"

закричал Ан Чжэн и с силой ударил по аукционному дому. После громкого удара первые несколько рядов домов были сровнены Ань Чжэном с землей и в мгновение ока превратились в руины. Но это был только первый шаг. Тело Ань Чжэна выстрелило, как от взрыва, и врезалось в храм неподалеку от Чжэнчэнцзуна. Разбитый камень взлетел в воздух вместе с людьми, и воющий звук разнесся по миру.

Это зал филиала Чжэн Чэнцзуна в городе Жак. Здесь много фанатичных верующих Чжэн Чэнцзуна. Эти руки запятнаны кровью не только Центральных равнин, но и восставших против Чжэн Чэнцзуна простых людей. Они использовали жестокие средства для подавления тех, кто им не подчинялся, и стремились подавить их таким же образом.

Вдалеке не менее сотни подлинных практиков бросились назад и увидели лишь густой дым. Крупный храм был превращен в руины в результате столкновения. Дым был слишком сильным, чтобы что-то разглядеть, а близлежащие дома были поглощены дымом.

Эти священные практики не осмелились броситься туда после того, как выбежали из развалин, и туда никто не спешил. Вдруг они обнаружили в дыму фиолетовую точку, и фиолетовый свет проник в душу каждого из них, словно пронизывая весь мир. Постепенно фигура стала четкой и вышла из пыли. Яркий фиолетовый свет в левом глазу Ань Чжэна, он вышел из пыли как убийца **** и появился перед этими людьми.

"Убейте его!"

"Убейте эту ересь!"

"Все вместе!"

Люди кричали, но никто не осмеливался подняться.

Рот Ань Чжэна подернулся холодной улыбкой: "Убить? Настала твоя очередь получить свой выстрел? Ты... только для того, чтобы быть убитым. Начиная с сегодняшнего дня, ты будешь подавлять этих людей террором, я буду подавлять тебя твоими средствами. Все, что ты сделал другим, будет возвращено тебе изначально. "

Фиолетовый свет вспыхнул в левом глазу Аньчжэна, и тела всех превратились в камень. Ань не быстро убивал людей. Подождав, пока все больше и больше людей наблюдали издалека, он подобрал с земли мачете, а затем отрубил головы последователям рода одну за другой. При взмахе ножом из пролома шеи брызнул кровавый туман, как фонтан ****. Он не казался быстрым, но забрызганный кровью человек в его шее стал единым целым.

Раз, два, три... Он пошел вперед, и у человека, стоявшего там, где он шел, не было головы, а по шее хлестала кровь.

Казалось, что он идет по бесчисленным кратерам, из которых брызжет магма, но горячая кровь только усиливала его боевой дух.

Он прошел мимо толпы, пока последнее тело медленно не упало. Он был похож на посланника, который шел из чистого мира в грязный, но он не был загрязнен грязным миром, а властно использовал свой меч, свои руки и свои средства. Приди и очисти уродство и грех в этом мире".

Вдалеке все зрители были напуганы. Никто не осмеливался оспаривать статус Чжэн Чэнцзуна в государстве Куолуо так долго. Более того, этот человек все еще является человеком Центральной равнины, которого секта собирается убить. Однако я не знаю почему". Некоторые люди не могли удержаться от крика хорошего голоса. После того, как добрый голос закончился, он бы пожалел об этом. Однако чувство обиды и борьбы, которое слишком долго сжималось, мгновенно вырвалось наружу.

Это сила.

**** Анчжэн напрямую разбил зал филиала Чжэн Чэнцзуна в городе Якоб. Те ученики были убиты одним лишь Анженгом. Он был весь в крови, но люди были так чисты.

Пыль и дым рассеялись, гравий покрыл землю.

Ань Чжэн подошел к Цюй Люси и тихо сказал: "Раньше я не хотел брать тебя с собой, потому что боялся, что слишком много крови и слишком много убийств, из-за этого ты будешь чувствовать себя неловко. Я надеюсь, что я тебе понравлюсь, ты сможешь жить стабильной жизнью всю жизнь. Я буду делать все, а ты будешь ждать меня дома. "

Цюй Люси протянул руку, держа руку Ань Чжэна, полную крови: "Мой человек - смертный герой".

Ань Чжэн рассмеялся, оставив только нежность в уголках рта.

Бесчисленные солдаты гарнизона Гуолуо на городской стене прицелились из арбалетов в Ань Чжэна и меандра. Аньчжэн поднял голову, посмотрел на городскую стену и протянул руку с

меандром.

"Некоторое время все стрелы на городской стене падали, как будто я наблюдал за дождем вместе с тобой".

Они шли рука об руку, и через некоторое время стрелы из небесных перьев посыпались, как ливень. Жаль только, что эти перья и стрелы не могут даже пробить хрупкую защиту тела. Невидимый защитный слой снаружи его тела не был виден, но после того, как стрелы перьев стали слишком плотными, стало видно, что защитный слой был великолепным. Юй Цзянь с треском ударился о защитный слой, а затем распался на шлак.

Аньчжэн вышел из городских ворот и, пройдя несколько десятков шагов, остановился и оглянулся на солдат, которые все еще только осмеливались стоять и пускать стрелы по высокой городской стене.

"Их храбрость просто такова. Как солдаты, они забывают, что должны защищать людей, стоящих за ними, а не нечестивцев, которые носят греховные одежды и поработают людей во имя секты."

Он развернулся, выхватил серп смерти Чэнь Шаобай и бросился к стене. Солдаты на городских стенах воскликнули, подсознательно повернулись и побежали. Аньчжэн не бросился к стене, а взмахнул серпом смерти, и серп вдруг стал больше и вонзился прямо в стену с внешней стороны. Ширина городской стены не менее десяти метров. Коса тревоги прорезает корни городской стены, а затем устремляется вперед вдоль стены.

Везде, где он проходил, городские стены начинали рушиться, и защитники, опоздавшие спастись, с воплем погружались под треснувшие городские кирпичи. По меньшей мере стометровая городская стена была разрушена Аньчжэном, большой кусок кирпича и камня покотился вниз, а разбитые солдаты виднелись в почве и гравии.

Аньчжэн повернул назад и, взяв в руку меандр, продолжил путь. Под солнцем тени этих двоих были очень длинными.

В то же время в другом городе, расположенном примерно в 300 милях от города Жака, Ду Шоу сидел на корточках на обочине дороги с мохнатой травой во рту, глядя на зал филиала Чжэнчэнцун через дорогу.

"Откуда взялась твоя мохнатая трава?"

спросил Чэнь Шаобай.

"Потянуло дорогой".

"Пук, это Западный регион, здесь вообще нет такой травы. Кроме того, на обочине дороги лежат камни и песок, где же мохнатая трава, ты меня ослепляешь?"

"Я не говорил, что она была вытащена с этой стороны дороги. Она не была вытащена со стороны дороги Дакси. Хочешь?"

"Ты действительно принесла охапку меховой травы, ничего, чтобы достать и поиграть с ней? Можешь ли ты иметь несколько элегантное хобби, следуй за Аньчжэном, я думаю, что твое

качество снижается."

"Нет, нет, ты не знаешь, держать траву похоже на блудного сына".

Ду Шоушоу встал и сплясал танец волос: "Когда у меня во рту волосатая трава, я чувствую, что этот мир впечатлен моими превратностями, моей зрелостью и непокорным темпераментом. Это одна корень волосатой травы? Нет, это жизненный опыт. "

Чэнь Шаобай надулся: "Тебя недавно стимулировали? Ань Чжэн бросил тебя?"

Ду Шоушоу: "Уходи и поступай правильно".

Чэнь Шаобай прислонился к стене и почувствовал себя блудным сыном: "Конечно, ты собираешься заниматься такой силовой работой. Как ты думаешь, зачем я сюда пришел? Я просто присматриваю за тобой. Дело сделано. Я куплю вам два, когда вернусь. Если ты не сможешь сделать это хорошо... я сниму твою талию и испеку ее". "

Ду Шоушен: "От этого ты умрешь, твои почки лопнут, а яички набухнут".

Чэнь Шаобай: "Я **** вам дядя, не могли бы вы не быть таким отвратительным".

Ду Шоушоу достал Трезубец Нептуна и глубоко вздохнул: "У толстяка нет времени тягаться с тобой за шкуру. Я собираюсь снести этот дом. Если кто-то осадит меня на некоторое время, нельзя просто стоять в стороне".

Чэнь Шаобай: "Поторопись и больше никогда не откладывай дела. Монах может заставить твои почки лопнуть. Веришь ты в это или нет?"

"Невероятно, почки обезьяны еще не взорвались!"

Ду Шоушоу закричал и бросился к залу филиала Чжэнчэнцзун напротив. Он был похож на человекоподобный танк и врезался в здание филиала. Здание зала филиалов изначально было очень прочным, но перед этим тонким зверем, как Ду, тонким и худым, хрупким, как тофу. Трезубец морского императора был ужаснее механической руки, и большой зал был снесен после трех, пяти и двух.

"Как интересно бегать после разборки".

Ду Шоушен выскочил из руин и крикнул на бегу. Когда я снова смотрю на него, там все еще остается тень Чэнь Шаобэя. Парень уже не знает, куда бежать. В сотнях метров от него Чэнь Шаобай оглянулся: "Ты должен бежать до разборки, что за волнение..."

Гаулуочэн.

Обезьяна посмотрела на монаха, а монах посмотрел на обезьяну.

"Что **** ты собираешься делать?"

очень серьезно спросила обезьяна.

Монах сказал: "Я хочу сделать то, что давно должен был сделать, но не решаюсь. Если у тебя есть о чем спросить, поторопись. Я иду в храм Далейчи".

Обезьяна: "Это то, что ты хочешь сделать со мной?"

Монах покачал головой: "Я сказал, что мне нужно делать только то, что я должен делать. К тебе это не имеет никакого отношения. Но... после того, как все будет сделано, ты больше не должен меня беспокоить". Я знаю, что ты смотришь на монаха. Это не очень приятно, но монах смотрит на тебя, а это радует глаз. "

Он встал и пошел прочь, а обезьяна схватила его за руку: "Что **** ты хочешь сделать?".

Монах рассмеялся, на что Му Чуньфэн сказал: "В прошлое".

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2197835>